

DOI: 10.22363/2224-7580-2022-3-129-137

МОНОДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ – ТУПИКОВЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ НАУКИ

В.А. Маслова, Е.С. Пивовар

*Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
Республика Беларусь, 210038, Витебск, Московский проспект, 33*

Аннотация. В статье показано, что монодисциплинарность в лингвистике и других гуманитарных науках – это тупиковый путь развития. Чтобы отвечать вызовам современности, лингвистика должна стать интегративной, полидисциплинарной, когда при исследовании языка используются данные различных наук – от философии, культурологии, поэтики до нейробиологии, физики, религиозных знаний.

Ключевые слова: интердисциплинарность, полидисциплинарность, фидеизм, философия языка.

Вся современная наука пронизана общей идеей учета человеческого фактора, которая открывает новые горизонты для гуманитарных наук, заставляя размышлять об их месте среди других областей знания и выявляя общие тенденции и проблемы. И сегодня это одна из актуальных проблем.

В последние десятилетия в обществе укореняется мысль о том, что гуманитарные знания не приносят особой пользы, так как они непрактичны, а потому избыточны, ибо только отягощают бюджет, ничего не давая взамен. Однако без гуманитарных знаний (классической литературы, музыки, шедевров живописи и т.д.) невозможно воспитать даже хорошего слесаря, не говоря уже о математиках, физиках, генетиках. Подтверждением тому становятся многочисленные факты, когда технари пишут картины, стихи и т.д. Известно, что Альберт Эйнштейн с Максом Планком играли скрипичные сонаты Моцарта: Планк у рояля, Эйнштейн на скрипке.

Наши оппоненты справедливо утверждают, что в гуманитарных науках нет постоянных законов, они обнаруживают только закономерности. Кроме того, ни лингвистика, ни другие гуманитарные науки в течение почти полутора веков не сделали открытий, повлиявших не только на ход истории человечества, но и на ход развития мыслей о мире. В противовес им следует сказать, что у гуманитарных наук свои цели и задачи – они должны помочь преодолеть негативное влияние на человечество цифровой эпохи, подготовить человека к наступлению в скором будущем цивилизации праздности, когда за человека все сделают «умные» машины. Результат роста цивилизации потребления ведет к экологическим проблемам, проблемам со здоровьем. Поэтому нужны обязательные гуманитарные экспертизы нано-, био-, эко-, информационных научных достижений. Кроме того, необходимо преодолеть

повышенный интерес к прикладным наукам, которые способны быстро принести материальную пользу обществу, в ущерб фундаментальным. Конечно, прикладные науки важны для общества как с позиций геополитических, так и экономических. Но если поощрять только то, что приносит быстрые результаты и деньги, то постепенно придем к состоянию, когда «звон денег будет сопровождаться мычанием» (Евг. Водолазкин).

Однако существуют и более серьёзные проблемы, которые невозможно решить без гуманитарных наук: цифровая эпоха безвозвратно изменила мир, который стал нестабильным и прозрачным, наличие гаджета в кармане лишает нас всякой защищенности. Это требует формирования новых ценностей, новых моральных принципов. Без новой этики общество просто не выживет. Мир сам по себе изменчив, особенно быстро он меняется сейчас. Поэтому нужно формировать также готовность к переменам вообще, так как, будучи консервативным, человек не сможет адаптироваться к быстрым изменениям в мире.

Технологические изменения привели к формированию нового коммуникативного пространства. Оно постепенно вытесняет традиционные формы общения (межличностное общение, предполагающее разговор на любые темы с глазу на глаз, письма-размышления в бумажной форме и др.), что ведет к потере навыков традиционного общения у молодежи, а сама перегруженность информацией обострила проблему ее выбора и как результат – «цифровой аутизм», неумение жить без гаджетов, потеря личного пространства с вытекающими отсюда психологическими, интеллектуальными, коммуникативными проблемами.

Все эти проблемы требуют междисциплинарных знаний. Способны решить их философия, объединившись с лингвистикой, психологией, социологией и рядом других, совершенно неожиданных знаний.

Издревле считалось, что наукой наук, фундаментом для всех остальных наук, в том числе гуманитарных, является философия, стремящаяся к всеохватному и всеобъемлющему аналитизму. По наблюдению Ф. Ницше, наука – это то, что мы знаем, а философия то, чего мы не знаем. Однако отечественная философия, по известным историческим причинам, едва ли способна справиться с этой миссией. И тогда в условиях новой социальной и культурной реальности на первый план выходит лингвистика, изучающая язык во всех его проявлениях.

Если ранее лингвистика была рядовой гуманитарной наукой, изучающей «язык в самом себе и для себя», то есть исследующей его структуру, системные связи его единиц и отчасти функционирование, то теперь стало ясно, что язык – самоорганизующаяся, самоопределяющаяся и динамичная система, которую невозможно регулировать, а можно лишь фиксировать и описывать. Традиционная лингвистика, которая, как отмечается многими лингвистами (К. Ажеж, Е.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов и др.), зашла в тупик в анализе языковых фактов в рамках своей системы, то есть без выхода в другие области знания.

Согласно теореме Курта Геделя о неполноте, любая наука в процессе своего развития заходит в тупик без привлечения методов и результатов другой. Теперь уже нет сомнений, что изучение языка в рамках системно-структурного языкознания не объясняет сколько-нибудь сложных фактов: *Вчера я снова легла спать сегодня*. На первый взгляд, фраза лишена здравого смысла, но знание когнитивных категорий времени проявляют смысл – легла спать после 12 ночи. Поэтому в лингвистику нужно привлекать данные когнитивистики и теории культуры.

Именно лингвистика вкупе с другими науками позволит создать Новую герменевтику, в которой основополагающим будет не накопление информации, а ее понимание. Это уже начинают делать в «Сириусе», подобные сообщества молодежи планируют создавать по всей России.

Почему именно лингвистика должна занять особое место среди других гуманитарных наук?

В современной науке есть гипотезы о том, что язык сформировал наш мозг, с его помощью можно формировать и изменять базовые убеждения человека. Более того, существует «языковой инстинкт», то есть врожденная способность к нему, которая присутствует в геноме человека. Если это так, то язык отражает законы жизни, опыт человечества (реальный и субъективный, сенсорный и психический и др.). Возможно, язык овеществляет не только квантовую механику мозга, но и репродуцирует Вселенский Разум (Божий Промысел). Именно поэтому мы еще не доросли до глубинной интерпретации многих языковых фактов. Так, известно выражение *струны души*; оно получило научное объяснение только в конце XX в.: специалисты по биорезонансу установили, что, воздействуя на организм определенным спектром звуков разной длины, мы можем вызвать психоэмоциональные сдвиги.

Несмотря на то, что лингвистика начала формироваться в V в. до н.э., строгие законы языка так и не удалось сформулировать, потому что язык живет по правилам, которые допускают недозволенные ходы, вне логики здравого смысла. Примеров тому много: *Он пригласил преподавателя, чтобы учить его. В конце концов, среди концов найдешь конец ты, наконец*. С точки зрения норм языка сочетания и предложения составлены правильно, но здравый смысл в них не лежит на поверхности, хотя они привычны для русского уха. Далее. Правила языка гласят, что антонимы должны быть противоположны по значению, однако иногда они означают одну и ту же ситуацию: *Чай долго остывает* и *Чай долго не остывает*. Антонимы могут выражать градацию признака, а не его противоположность: *Как можно лучше* = хорошо; *Как нельзя лучше* = отлично. По правилам языка обращение – грамматически независимая категория, которая не входит в структуру предложения. Но обращение на ТЫ и ВЫ – уже в структуре предложения.

Как видим, язык является своего рода зеркалом нашего противоречивого мира. Он способен гармонизировать мир, хотя бы в пределах нашего сознания, создавая стройную картину мира (Б. Уорф, Л. Вайсгербер, Р. Карнап, Б. Расел, У. Куайн, Д. Остин. С. Чейз и др.). Есть мнение, что язык – единственная реальность, данная человеческому сознанию, а границы языка есть

границы мира языковой личности [1. С. 263; 2]. Именно индивидуальное сознание – источник смыслов и значений, эмоций и ценностей; именно сознание параметризует коммуникативное пространство, определяя все параметры ситуации – адресата, время, пространство и т.д.

Такой путь позволяет выйти в теорию познания и через нее «увидеть глубинные семантические основания языка и человеческой ментальности» [3. С. 7], потому что язык, представляя познавательные структуры личности, выявляет тем самым концептуальные построения окружающего мира. Язык – особая видоспецифическая способность мозга (Т. Нагель, Т.В. Черниговская, Ж.И. Резникова и др.). Таким образом, «языкознание имеет стратегическое значение для методологии общественных наук» [4. С. 8].

В решение проблем мировосприятия и миропонимания может внести вклад лингвистика, объединившись с целым рядом наук. Такая интегративность проявляется прежде всего в широте исследовательской проблематики таких сложных феноменов, как язык, социум, культура, сознание, психика.

Как справедливо писала Т.В. Черниговская, XXI в. – век конвергентного и трансдисциплинарного знания [5]. Подтверждением тому стала и **трансферизация**, отражающая сравнительно новое для науки мировоззрение – интегративный, трансдисциплинарный подход. Общегуманитарная теория «культурного трансфера» была разработана в 1980-е гг. французскими историками и литературоведами М. Эспанем и М. Вернером. Работы по проблеме трансфера появились в России недавно [6; 7]. *Трансфер* позволяет говорить о разнонаправленном взаимодействии человека и его сознания, языков и культур, их инкрустациях, причем с непредсказуемыми результатами, когда может восстановиться утраченная цельность человеческой мысли и духа.

Сказанное позволяет увидеть нам новый виток антропоцентрической парадигмы, приближающий ее к **теоантропокосмической** как парадигме будущего, о которой писала В.И. Постовалова [8. С. 62]. Согласно данной парадигме человек начинает видеть свое место не над природой и миром, а внутри них. Если в западноевропейской философской традиции главным до сих пор является антропоцентризм, который породил «гуманистическую лингвистику» (Дж. Лакофф), в русской традиции в центре стоит высочайшая трансцендентная ценность Бог, в скором времени она будет дополнена такой важнейшей ценностью, как Космос (Вселенная).

При таком подходе исследования должны идти, говоря словами В.И. Вернадского, «не по наукам, а по проблемам», потому что снятие информационных барьеров между науками дает мощный импульс для развития исследований.

Попытаемся применить все сказанное к решению конкретных лингвистических проблем, которые, по мнению академика Ю.С. Степанова, должны восприниматься в синтезе с философским, художественным и религиозным типами знания. Об этом его последние прижизненные работы – «Концепты. Тонкая пленка цивилизации», «Мыслящий тростник» и др., которые порождают мысль о необходимости преодолеть гипертрофированное доверие к рационализму (науке), дополнив ее тысячелетними религиозными

знаниями, только вместе с которыми мы можем говорить о целостном мировидении и миропостижении. В редкой для ученого-лингвиста способности видения неявных процессов и ментальных направлений В.И. Постовалова видела «открытие новых путей в гуманитарном познании». Ю.С. Степанов предлагал назвать науку «новой всеобщей антропологией», в которой в парадигму знаний вводились бы элементы богословского мышления.

Язык – главнейшая деятельность человеческого духа, считал В. фон Гумбольдт; он охватывает все сферы человеческого бытия и познания. Фидеистическая теория языка имеет общегуманитарное значение, потому что через язык мы получаем большую часть наших знаний, в том числе знаний о вере. Как считают сторонники фидеизма, наука исследует лишь факты, то есть вторичные проявления, но она не способна раскрыть первопричины, что подвластно лишь вере, но даже с ее помощью многое вообще непознаваемо. Например, непознаваема для человеческого разума тайна Троицы, непорочного зачатия, некоторые из Блаженств (блаженны нищие духом) и т.д. Примеры свидетельствуют о том, что язык – духовная реальность, Дар Божий, поэтому важнейшая его функция – Богообщения, а функция общения человека с человеком – вторична. Ученые давно отмечали, что язык плохо приспособлен для реального общения: в нем много диффузности и многозначности (*Умный был бы человек, кабы не дурак* – здесь семантические, прагматические и другие нарушения). При принятии того, что функция общения с Богом – главное, многое должно быть пересмотрено в теории языка. Как пишет протоиерей К. Копейкин, язык выполняет «функцию прикосновения к тайне, к изначальным глубинам бытия, открывая человеку и необычайную высоту мира горнего, и исключительную глубину внутреннего пространства человеческой души» [9. С. 4].

Возьмем для пояснения библейские притчи. Чтение и изучение Библии позволяет понять, что язык притчи более доходчив и действенен, чем обыденный язык. С душой человека Господь говорит на языке притч: «Иисус говорил народу притчами и без притчи не говорил им» (Мф.: 13, 34-35).

Так, сокровенное желание человека – заслужить Царствие Небесное, которое подобно «сокровищу, скрытому в поле, которое, найдя, человек утаил» (Мф.: 13, 44). В этой фразе заложен смысл, который нельзя свести к поверхностному логическому объяснению: сокровище в виде слитка золота человек утаил от других. Здесь несколько смысловых уровней, которые в совокупности создают особый ирреальный (возможный) мир: мирская реальность – это поле, а мир желаний и иллюзий – найденные сокровища. Они сокровища потому, что это своего рода пропуск в Царствие Небесное. Поэтому человек готов отдать всё, лишь бы найти дорогу к Богу для жизни вечной. В данной притче нет прямого эксплицитного наставления, его нужно извлечь из глубинного смыслового слоя. Строится притча по следующей модели: ситуация (человек, обрабатывающий поле, находит сокровища) – вариант разрешения ситуации (прячет сокровища и покупает поле) и последствия этого – возможность заслужить Царствие Небесное. Здесь возникает нравственно-этическая задача, решение которой позволяет увидеть за иносказанием глубинный

смысл. Благодаря притче происходит то, о чем писала В.И. Постовалова, пытаясь объяснить тайну фиксации в языке народного духа: «Сам Гумбольдт считал непостижимой тайной, недоступной для аналитического мышления то, каким образом сливаются в единое целое язык и народный дух и как действуют в языке творческие первосилы человека и проявляются его глубинные возможности... В решении этих вопросов современная лингвистика, как и лингвистика В. фон Гумбольдта, остается на пороге непостижимого, не дерзая выходить за пределы собственно научного познания» [10. С. 78]. Понять непостижимое и выйти за пределы рационального познания поможет объединение усилий религиозных и философских знаний, художественного и лингвистического подходов.

Все евангельские события, все деяния Господа становятся в свете притч символами спасения. Язык притч освящен Иисусом Христом, он делает человека более отзывчивым на Слово Божье. Получается, что притча – особый тип феномена сознания человека, она сопутствует человеку на всем его культурном пути, сосуществуя параллельно с логическим, рациональным. Основная характеристика библейских притч – их глубинная мудрость, животворность и универсальность: в них даются вечные ответы на вечные вопросы. А без них возникает мертвая пустыня вместо «садов живых смыслов» (О. Николаева).

Проблемы аллегоричности притч, притч как жанра, их роли в релаксации исследуются философами, психологами, литературоведами и лингвистами – В.Н. Базылев [11]; Е.Ю. Балашова [12]; Л.Е. Берестовская [13], Т.Е. Владимирова [14]; В.И. Постовалова [8; 10] и др. В их работах на первый план выходит понятие религиозного дискурса, который объединяет в себе не только Священное Писание и Священное Предание, но и вторичные тексты – молитвы, проповеди, исповеди и т.д. Следовательно, его границы выходят за рамки церкви.

При анализе религиозных текстов следует понимать, что они могут быть использованы в обыденном языке общения, поскольку входят в когнитивную базу носителей языка: *жизненная колея, внести свою лепту, глас вопиющего в пустыне* и др. Эти прецедентные единицы используются в самых различных ситуациях, но при этом не теряют ассоциативную связь с первоисточником, что как бы «подсвечивает» их изнутри.

Конвергентные знания следует использовать также при анализе философских и поэтических текстов, которые затрагивают проблемы духовной сущности человека. Эти три области человеческой деятельности – родные сестры, потому что смысловая архитектоника поэзии такова, что требует учета разного рода знаний. В качестве примера приведем пример из творчества М. Цветаевой – ее стихотворение «Магдалина». Его характерная особенность – полилог: Христос обращается к Магдалине, она его последний собеседник в этом мире. Христос – автор-комментатор этого диалога. Автор (Цветаева) говорит голосом мужчины – Христа. Мужская партия исполнена женщиной. В этом стихотворении совмещается одновременно несколько смыслов – любви, прощения и благодарности за любовь. По мнению

И. Бродского, анализирующего стихотворения Рильке, Пастернака и Цветаевой о Магдалине [15], это и есть формула христианской любви:

*О путях твоих пытаться не буду.
Милая! – ведь все сбылось.
Я был бос, а ты меня обула
Ливнями волос –
И – слез.
Не спрошу тебя, какой ценою
Эти куплены масла.
Я был наг, а ты меня волною
Тела – как стеною
Обнесла.
Наготу твою перстами трону
Тише вод и ниже трав.
Я был прям, а ты меня наклону
Нежности наставила, припав.
В волосах своих мне яму вырой,
Спеленай меня без льна.
– Мироносица! К чему мне мир?
Ты меня омыла,
Как волна.*

По смысловому наполнению это стихотворение ближе к Евангелию от Луки. Смысл данной евангельской истории – прощение грешницы. У Цветаевой – это апокрифическая версия события, потому что сказать «Милая, ведь все сбылось...» можно было только после Воскрешения. Пытаясь постичь тайны поэзии, мы должны понять, что есть Запредельные смыслы, мерцающие сквозь *поэтическую невнятицу*, сквозь «*туман нашего незнания*» (Налимов). А помочь в этом могут интегрированные знания различных сущностей – от научных – психологических, антропологических, культурологических, социологических до религиозных, философских и даже микробиологических, генетических и других областей, изучающих человека и его язык. Результатом такой интеграции стало нейролингвистическое программирование. Данная наука занимается «проблемой влияния, которое оказывает язык на программирование психических процессов и других функций нервной системы» [16. С. 16]. Снятие информационных барьеров между науками дает мощный импульс для развития каждой из наук, поскольку обеспечивает многоаспектность при решении различных проблем, что способствует получению неожиданных результатов.

Таким образом, в лингвистике сформировалось видение языка не просто как системы знаков или инструмента познания, но и как духовной сущности. В науке постепенно формируется целостный образ мира, который строится и понимается с помощью объединения разных областей знаний.

Выводы

Современные гуманитарные науки ставят своей целью постижение основ мироздания, то есть окружающей реальности, природы, общества и человека в его духовных исканиях. И это проблема не только гуманитарных наук, но и нейробиологии (Т.В. Черниговская), теоретической физики (Ю.С. Владимиров) и ряда других наук. Все типы научного знания взаимосвязаны, поэтому если случится поворот в понимании устройства мироздания, то это повлечет за собой изменения наших представлений о мире, месте в нем человека, его сознании, психике и др. Как прозорливо утверждает Ю.С. Владимиров, «в связи с важными открытиями в физике могут происходить и существенные изменения в социальной сфере» [17. С. 142]. Решению названных проблем могут помочь глубокие проникновения в сущность языка, устройство которого, скорее всего, изоморфно устройству мира. С помощью языка происходит гармонизация мира как результата творения Божественного разума, то есть ноосферы, как ее понимали Т. де Шардена и В.И. Вернадский.

Поэтому и лингвистика как наука о языке, чтобы отвечать требованиям времени, должна быть междисциплинарной, интердисциплинарной, интегративной. Для этого нужны не «чистые» лингвисты, а ученые другого, полидисциплинарного типа, о чем постоянно говорит Т.В. Черниговская. Их нужно специально готовить, что уже начинают делать в «Сириусе». Именно такие лингвисты могут через язык понять устройство человеческой ментальности, психики, имеющих отношение к бессознательному.

Интегративность, как важная мировоззренческая тенденция, выражается, во-первых, в том, что знания о конкретном объекте, полученные в разных науках, не игнорируются, а, наоборот, активно используются при решении своих задач; и, во-вторых, – проявляется также в широте исследовательской проблематики, которая обусловлена сложностью таких феноменов, как язык, социум, культура, сознание, психика.

Литература

1. Сепир Э. Статус лингвистики как науки // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. С. 259–266.
2. Витгенштейн Л. Избранные работы / пер. с нем. и англ. В. Руднева. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005.
3. Берестнев Г. И., Киреева Я. А. Язык и когнитивная структура профетических текстов: Античность и русское православие: монография. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2018.
4. Чернейко Л. О. Философские проблемы языка и лингвистики // Вестник МГУ. Сер. 9, Филология. 2016. № 1. С. 7–25.
5. Черниговская Т. В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. М.: Языки славянской культуры, 2017.
6. Культурные трансферы: проблемы кодов: коллективная монография / под ред. С. Г. Проскурина. Новосибирск; М., 2015.
7. Лингвистика и семиотика культурных трансферов. Методы, принципы, технологии. М.: Культурная революция, 2016.

8. *Постовалова В. И.* Символ и реальность (семиотические воззрения и опыты Ю. С. Степанова) // Критика и семиотика. Вып. 17. 2012. С. 48–63.
9. *Копейкин К.* На каком языке говорит с нами Бог. СПб., 2005.
10. *Постовалова В. И.* Язык и миропостижение: философия языка В. фон Гумбольдта и когнитивная лингвистика // С любовью к языку: сборник научных трудов: Посвящается Е. С. Кубряковой. М.; Воронеж, 2002. С. 72–89.
11. *Базылев В. Н.* Притча: переосмысление жанра // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 222–228.
12. *Балашова Е. Ю.* Речезанровый анализ евангельской притчи на материале православных и протестантских источников // Жанры речи. 2018. № 1 (17). С. 55–59.
13. *Берестовская Л. Е.* Библейские притчи в контексте религиозной когнитологии // Вестн. Пятигор. гос. лингв. ун-та. Пятигорск, 2000. № 2. С. 60–63.
14. *Владимирова Т. Е.* Русская языковая личность и православный дискурс // Христианство и наука. М., 2008.
15. *Бродский И.* Письма к Горацию. М.: Наш дом – L’Aged’Homme, 1998. С. СXXII–CXLV.
16. *Дилтс Р.* Фокусы языка. Изменение убеждений с помощью НЛП. СПб.: Питер, 2022.
17. *Владимиров Ю. С.* Отечественные мыслители об основаниях физической реальности // Метафизика. 2021. № 1 (39). С. 140–150.

MONODISCIPLINARITY IN HUMAN SCIENCES IS A DEAD-END PATH OF SCIENTIFIC DEVELOPMENT

V.A. Maslova, E.S. Pivovar

*Vitebsk State University named after P.M. Masherov
33 Moskovskiy Avenue, Vitebsk, 210038, Republic of Belarus*

Abstract. The article shows that monodisciplinarity in linguistics and other human sciences is a dead-end path of development. To address today’s challenges, linguistics must become integrative, multidisciplinary, when language research includes the use of data from various branches of science: from philosophy, culturology, poetics to neuroscience, physics and religious knowledge.

Keywords: interdisciplinarity, multidisciplinary, fideism, philosophy of language